

*“Государство
ныне строится,
как и в эпоху Петра,
суровыми
и жестокими
методами, подчас
на костях и слезах”.*

Н. В. Устрялов

Николай Устрялов

РУССКИЙ ОКТЯБРЬ

ЧТО ТАКОЕ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ

Кто мы?

Николай Устрялов

**Русский октябрь. Что такое
национал-большевизм**

«Алисторус»

2022

УДК 82-311.6-93
ББК 63.3 (2)

Устрялов Н. В.

Русский октябрь. Что такое национал-большевизм /
Н. В. Устрялов — «Алисторус», 2022 — (Кто мы?)

ISBN 978-5-00180-429-1

«Причудливая диалектика истории неожиданно выдвинула советскую власть с ее идеологией интернационала на роль национального фактора современной русской жизни», – писал Николай Васильевич Устрялов (1890 – 1937), русский политический деятель, писатель и публицист, основоположник национал-большевизма. В годы Гражданской войны в России он был на стороне белых и боролся с большевиками, затем, в эмиграции переосмыслил свои идеи под влиянием успехов советской власти в строительстве нового государства. Пытаясь соединить идеологию большевизма с русским национализмом, Устрялов создал особое политическое движение – национал-большевизм. В СССР оно было разгромлено в 1930-е годы, но продолжало существовать за границей, чтобы возродиться в России уже после краха советской системы. В книге представлены основные работы Н.В. Устрялова, которые дают достаточно полное и связное представление о национал-большевизме как об идеологии.

УДК 82-311.6-93

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-00180-429-1

© Устрялов Н. В., 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	5
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	6
ПЕРЕЛОМ1	6
ИНТЕРВЕНЦИЯ2	7
О ВЕРНОСТИ СЕБЕ6	9
ДВА СТРАХА14	13
НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОКТЯБРЯ	17
НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ	17
IGNIS SANAT22	22
ОБМИРЩЕНИЕ24	25
О НАШЕЙ ИДЕОЛОГИИ30	31
НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОКТЯБРЯ35	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Устрялов Николай

Русский октябрь. Что такое национал-большевизм

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В этой книге собрана публицистика выдающегося русского мыслителя, главного теоретика национал-большевизма Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). В целом материалы, вошедшие в книгу, дают довольно полное и связное представление о национал-большевизме как об идеологии.

Орфография и пунктуация Устрялова в настоящем издании приближены к современным, но в ряде случаев сохранены их авторские особенности. Исправлены очевидные опечатки.

Переводы иноязычных фрагментов в большинстве случаев принадлежат З.Г. Антипенко.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПЕРЕЛОМ¹

Необходимо отдать себе ясный отчет в последних событиях нашей гражданской войны. Нужно иметь мужество посмотреть в глаза правде, какова бы она ни была.

Мы побеждены, и побеждены в масштабе всероссийском, а не местном только.

Выясняется с беспощадной несомненностью, что путь вооруженной борьбы против революции – бесплодный, неудавшийся путь.

Каковы причины катастрофы? Во-первых, события убеждают, что Россия не изжила еще революции, т. е. большевизма, и воистину в победах советской власти есть что-то фатальное, будто такова воля истории. Во-вторых, противобольшевистское движение силою вещей слишком связало себя с иностранными элементами и поэтому невольно окружило большевиков известным национальным ореолом, по существу, чуждым его природе. Причудливая диалектика истории неожиданно выдвинула советскую власть с ее идеологией интернационала на роль национального фактора современной русской жизни, – в то время как наш национализм, оставаясь непоколебленным в принципе, потускнел и поблек на практике вследствие своих хронических альянсов с так называемыми «союзниками».

Как бы то ни было, вооруженная борьба против большевиков не удалась. Как это, быть может, не парадоксально, но объединение России идет под знаком большевизма, ставшего империалистичным и централистским едва ли не в большей мере, чем сам П.Н. Милюков.

Следовательно, перед непреклонными доводами жизни должна быть оставлена и идеология вооруженной борьбы с большевизмом. Отстаивать ее при настоящих условиях было бы доктринерством, непростительным для реального политика.

Разумеется, все это отнюдь не означает безусловного прития большевизма или полного примирения с ним. Должны лишь существенно измениться методы его преодоления. Его не удалось победить силой оружия в гражданской борьбе – оно будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира (хотя бы относительного, ибо абсолютного мира при господстве большевиков ожидать все-таки трудно). Процесс внутреннего органического перерождения советской власти, несомненно, уже начинается, что бы не говорили сами ее представители. И наша общая очередная задача способствовать этому процессу. Первое и главное – собрание, восстановление России как великого и единого государства. Все остальное приложится.

И если приходится с грустью констатировать крушение политических путей, по которым мы до сих пор шли, то великое утешение наше в том, что заветная наша цель – объединение, возрождение родины, ее мощь в области международной – все-таки осуществляется и фатально осуществляется.

¹ Интервью, помещенное в «Вестнике Маньчжурии» 1 февраля 1920 г.

ИНТЕРВЕНЦИЯ²

1

Я положительно затрудняюсь понять, каким образом русский патриот может быть в настоящее время сторонником какой бы то ни было иностранной интервенции в русские дела.

Ведь ясно, как Божий день, что Россия возрождается. Ясно, что худшие дни миновали, что революция из силы разложения и распада стихийно превращается в творческую и зиждательную национальную силу. Вопреки ожиданиям, Россия справилась с лихолетьем сама, без всякой посторонней «помощи» и даже вопреки ей. Уже всякий, кого не окончательно ослепили темные дни прошлого, может видеть, что русский престиж за границей поднимается с каждым днем. Пусть одновременно среди правящих кругов Запада растет и ненависть к той внешней форме национального русского возрождения, которую избрала прихотливая история. Но право же, эта ненависть куда лучше того снисходительного презрения, с которым господа Клемансо и Ллойд-Джорджи относились в прошлом году к парижским делегатам ныне павшего русского правительства...

Природа берет свое. Великий народ остался великим и в тяжких превратностях судьбы – «так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»³. Пусть мы верили в иной путь национального воссоздания. Мы ошиблись – наш путь осужден, и горькой иронией рока неожиданно для самих себя мы вдруг превратились чуть ли не в «эмигрантов реакции». Но теперь, когда конечная мечта наша – возрождение родины, все-таки осуществляется, станем ли мы упрямо упорствовать в защите развалин наших рухнувших позиций?.. Ведь теперь такое упорство было бы прямым вредом для общенационального дела, оно лишь искусственно задерживало бы процесс объединения страны и восстановления ее сил.

Нам естественно казалось, что национальный флаг и «Коль славен»⁴ более подобают стилю возрожденной страны, нежели красное знамя и «Интернационал». Но вышло иное. Над Зимним Дворцом, вновь обретшим гордый облик подлинно великодержавного величия, дерзко развивается красное знамя, а над Спасскими Воротами, по-прежнему являющими собою глубочайшую исторически-национальную святость, древние куранты играют «Интернационал». Пусть это странно и больно для глаз, для уха, пусть это коробит, – но в конце концов в глубине души невольно рождается вопрос:

– Красное ли знамя безобразит собою Зимний Дворец, – или, напротив, Зимний Дворец красит собою красное знамя? «Интернационал» ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские Ворота, или Спасские Ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в «Интернационал»?

2

Все державы отказались от активной борьбы с русской революцией. Не потому, конечно, чтобы русская революция нравилась правительствам всех держав, а потому, что они осознали свое полное бессилие ее сокрушить. Испробовано уже то страшное решающее средство, которым британский удав душил в свое время Наполеона, душил Вильгельма – блокада. Испробо-

² «Новости Жизни», 24 февраля 1920 г.

³ Из поэмы Пушкина «Полтава».

⁴ «Коль славен наш Господь в Сионе» – гимн Д.С. Бортнянского на стихи М.М. Хераскова (между 1790–1801), в 1856–1917 гг. его мелодию исполняли куранты Московского Кремля, в нотных изданиях сопровождался пометой: «национальный русский гимн», попытка придать ему статус государственного гимна при Временном правительстве не увенчалась успехом.

вана – и не помогла: в результате получилось даже как-то так, что стало трудно уяснить себе – кто же тут блокируемый и моримый, а кто блокирующий и моритель, кто кого душил. И надменная царица морей устами своего нового Веллингтона⁵ вдруг заявила на весь мир:

– «Европа не может быть приведена в нормальное состояние без русских запасов. Единственное разрешение вопроса – это заключить мир с большевиками...»

Теперь, когда советская власть усилилась до крупнейшего международного фактора и явно преодолела тот хаос, которому была обязана своим рождением, национальные основания продолжения гражданской войны отпадают. Остаются лишь групповые, классовые основания, но они, конечно, отнюдь не могут иметь значения и веса в сознании национально-демократической интеллигенции. Таким образом, продолжение междоусобной борьбы, создание окраинных «плацдармов» и иностранные интервенции нужны и выгодны лишь узко классовым, непосредственно потерпевшим от революции элементам. Интересы же России здесь решительно не при чем.

Пусть господа идеологи плацдармов устраивают таковые подальше от русской границы. Пусть там готовят они своего Людовика XVIII – пока и их, так или иначе, не коснется огненное дыхание русского ренессанса.

⁵ Видимо, имеется в виду Д. Ллойд-Джордж.

О ВЕРНОСТИ СЕБЕ⁶

1

Можно ли говорить о непоследовательности, излишней «переменчивости» тех русских политических деятелей или тех офицеров, которые всецело и вполне поддерживали омское правительство Колчака, а теперь проповедуют «гражданский мир» и протестуют против иностранной интервенции?

Мне лично не раз приходилось слышать подобные упреки в чрезмерной впечатлительности и чуть ли даже не в перемене своих убеждений. В непристойной и догматической форме они появлялись и в печати определенного направления. Считаю целесообразным поставить во всей полноте эту проблему, бесспорно, представляющую собой ныне известное общественное значение. Ибо многие русские патриоты должны в настоящие дни продумать ее до конца, чтобы ощущение ложного стыда, поверхностная боязнь осуждения со стороны некоторых из бывших спутников и соратников не помешали им принять правильное решение вопроса.

Должны ли бывшие «колчаковцы» теперь приветствовать выступление Японии и по-прежнему исповедовать идеологию вооруженной борьбы с большевизмом до конца?

Я категорически утверждаю: – нет не должны. Не должна во имя того же самого национального и государственного принципа, который еще так недавно заставлял их вести с Японией переговоры о поддержке и бороться на фронте против красной армии.

Это может показаться парадоксальным, но тем не менее это так. Политика вообще не знает вечных истин. В ней по-гераклитовски «все течет», все зависит от наличной «обстановки», «конъюнктуры», «реального соотношения сил». Лишь самая общая верховная цель ее может претендовать на устойчивость и относительную неизменность.

Для патриота эта общая, верховная цель лучше всего формулируется старым римским изречением: «благо государства – высший закон». Принцип государственного блага освящает собою все средств, которые избирает политическое искусство для его осуществления. Быть верным себе для патриота значит быть верным этому принципу, – и только. Что же касается путей конкретного проведения его в жизнь, то они всецело обусловлены окружающей изменчивой обстановкой.

Самый безнадежный и несносный в области политики тип, это – прутковский «рыцарь Грюнвальдус», который ни на что окружающее не обращал никакого внимания, —

Все в той же позиции
На камне сидит⁷.

2

История являет нам очень много примеров крутых и как будто внезапных переломов в политике различных государственных деятелей и среди них – великих учителей человечества в сфере политической жизни. Однако лишь очень поверхностный или очень недобросовестный взгляд мог бы усмотреть в этих переломах «измену принципам».

⁶ «Новости Жизни», 4 мая 1920 г.

⁷ Из стихотворения Козьмы Пруткова «Немецкая баллада».

В 1866 году, в разгар австро-прусской войны, после сражения у Садовой, Бисмарк из ожесточенного и давнишнего противника Австрии превращается вдруг в ее «искреннего» друга и ярого защитника. Прусские шовинисты, двор, военная партия изумлены и возмущены подобным «легкомысленным превращением» министра президента и единодушно настаивают на продолжении войны с Австрией «до конца». Бисмарк после невероятных усилий (и даже не без помощи слез и рыданий!) склоняет короля на свою сторону, и прусские войска останавливаются неподалеку от беззащитной вены. История показала, сколь дальновиден был крутой поворот в политике гениального канцлера⁸.

В середине восьмидесятых годов многие англичане с удивлением созерцали, как Гладстон из убежденного противника ирландского гомруля⁹ становится столь же убежденным его сторонником. Такой поворот «на 180 градусов» произвел на широкие круги избирателей неблагоприятное впечатление и способствовал поражению Гладстона на следующих общих выборах. Даже многие члены либеральной партии с тревогой взирали на «неустойчивость» премьера, а министр внутренних дел Чемберлен вышел из его кабинета, тем самым подчеркнув и узаконив происшедший партийный раскол. Однако прошло не так много времени, и Англия убедилась, сколь мудр был знаменитый деятель, сумевший вовремя заметить опасность и, учтя ее, радикально переменить свою тактику. Еще и до сих пор английскому кабинету приходится распутывать ирландский узел, запутанный «твердой рукой» сменивших Гладстона консерваторов и «либералов-унионистов» чемберленовского толка.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности. Наиболее близкий нам – феерическое превращение Ленина из «друга» Германии в ее «врага», из антимилиариста в идейного вождя большой регулярной армии, из сторонника восьмичасового рабочего дня в насадителя двенадцатичасового.

Что же, неужели все эти люди – изменники своим принципам? Ничуть. Они лишь умеют отличать принцип от способа его осуществления. Они – лучшие слуги своей идеи, чем те, кто близоруким и неуклюжим служением ей лишь губят ее, вместо того, чтобы дать ей торжество. Они – не изменники, они только – не доктринеры. Они не ищут неизменного в том, что вечно изменчиво по своей природе. Они умеют учитывать «обстановку».

И возьмем другой пример. Французские эмигранты, наиболее «последовательные» противники великой революции, кончили тем, что вместе с иностранцами боролись против своей родины до тех пор, пока она не была окончательно разбита и унижена. Они – во имя родины! – радовались каждому поражению французской армии и огорчались при каждой ее победе. Они, наконец, радикально «победили» под Ватерлоо и торжественно вернулись восвояси под охраню английских солдат и русских казаков. Сказала ли им «спасибо» национальная история Франции?..

Впрочем, быть может, Франция нужна была этим господам лишь постольку, поскольку она воплощалась в их прекрасных поместьях феодальной эпохи и в солнечной роскоши двора Людовика XIV?..

3

Русская интеллигенция боролась против большевизма по многим основаниям. Но главным и центральным был в ее глазах мотив национальный. Широкие круги интеллигентской общественности стали врагами революции потому, что она разлагала армию, разрушала государство, унижала отечество. Если бы не эти национальные мотивы, организованная вооружен-

⁸ Мотивы этого внезапного перелома прекрасно изложены в мемуарах Бисмарка.

⁹ Т.е. автономии Ирландии.

ная борьба против большевизма с самого начала была бы беспочвенна, а вернее, ее бы и вовсе не было.

Правда, нельзя отрицать, что идеология советов вызывает против себя ряд существенных возражений и в плоскости культурной, равно как в экономической и политической. Но одни эти возражения никогда не создали бы того грандиозного вооруженного движения, которое в прошлом году ополчилось на красную Москву. Пафос этого движения был прежде всего национальный. Большевизм не без основания связывался в общественном сознании с позором Бреста, с военным развалом, с международным грехом – изменой России союзникам.

Так было. Но теперь обстановка круто изменилась. Брестский договор развеян по ветру германской революцией вместе с военной славной императорской Германии. «Союзники» сумели использовать к своей выгоде измену России еще более удачно, чем им бы довелось использовать ее верность; – и мы во всяком случае вправе считать себя с ними поквитавшимися.

Но, главное, большевикам удалось фактически парировать основной национальный аргумент, против них выставлявшийся: – они стали государственной и международной силой благодаря несомненной заразительности своей идеологии, а также благодаря своей красной армии, созданной ими из мутного потока керенщины и октябрьской «весны».

Два прошедших года явились огненным испытанием всех элементов современной России. Это испытание закончилось победой большевизма над всеми его соперниками.

Весной 1918 года была в корне сокрушена оппозиция слева в лице «анархизма», одно время весьма модного в столицах и даже некоторых провинциях. Осенью того же года оказалась преодоленной «социал-соглашательская» линия, прерванная московской Каноссою¹⁰ Вольского с одной стороны, и омским переворотом Колчака¹¹ – с другой. Прошлом лето ушло на борьбу Москвы с Омском и Екатеринодаром¹². Результат этой борьбы налицо.

Как только пала колчаковско-деникинская комбинация, стало ясно, что внутри России нет уже более организованных, солидных элементов, могущих претендовать на свержение большевизма и реальное обладание власти в стране.

Отдельные вспышки случайных местных восстаний после рассеянных фронтов и сокрушенных правительств – лишь бесцельные судороги бессильного движения, и было бы верхом дон-кихотства возлагать на них мало-мальски серьезные надежды. Вместе с тем стало столь же несомненно, что красное правительство, сумевшее ликвидировать чуть ли не миллионную армию своих врагов, есть сила, и вполне реальная – особенно на фоне современных сумерек европейского мира.

В эту же минуту отпало национальное основание продолжения вооруженной борьбы с Советской властью. Жестокая судьба воочию обнаружила что наполеоновский мундир, готовившийся для Колчака русскими национал-либералами, не подошел к несчастному адмиралу, как и костюм Вашингтона, примерявшийся для него же некоторыми русскими демократами.

Национальная сила оказалась сосредоточенной во враждебном стане, и странной игрой судьбы из недр революционного тумана словно даже стал подниматься образ своеобразного бонапартизма... И русские патриоты очутились в затруднительном положении. Продолжать гражданскую войну (и то не во всероссийском масштаба) они ныне могут лишь соединившись с иностранными штыками, – точнее, послушно подчинившись им. Иначе говоря, им пришлось бы в таком случае усвоить себе психологию французских эмигрантов роялистов: – радоваться поражениям родины и печалиться ее успехам.

¹⁰ Каносса – замок в Италии, около которого император Священной Римской империи Генрих IV в 1077 г. вымаливал прощение у папы римского Григория VII. В переносном значении: унижительная, покаянная капитуляция.

¹¹ Имеется в виду разгон Колчаком 19 ноября 1918 г. Уфимской директории (к тому времени перебравшейся в Омск) – «Временного Всероссийского правительства», состоявшего из представителей разных партий, но с преобладанием эсеров.

¹² Центр Белого движения на юге России.

Если это называть патриотизмом, – то не будет ли подобный патриотизм, как в добрые старые времена, требовать кавычек?

И если такую тактику считать даже венцом «последовательности», – то не лучше ли быть непоследовательным?

Что касается меня, то мне кажется, что переход от национальной ориентации Омска к эмигрантским настроениям в стиле Людовика XVIII – есть самая величайшая «непоследовательность» из всех возможных. И когда мне приходится читать теперь о боях большевиков с финляндцами, мечтающими «аннексировать» Петербург, или с поляками, готовыми утвердиться чуть ли не до Киева, или с румынами, проглотившими Бессарабию, не могу не признать, что симпатии мои не на стороне финляндцев, поляков или румын...

Лишь для очень поверхностного либо для очень недобросовестного взора современная обстановка может представляться подобною прошлогодней. Не мы, а жизнь повернулась «на 180 градусов». И для того, чтобы остаться верными себе, мы должны учесть этот поворот. Проповедь старой программы действий в существенно новых условиях часто бывает наилучшей формой измены своим принципам.

Прекрасно знаю, что большевизм богат недостатками, что многие возражения против него с точки зрения культурной (вульгарный материализм, «механизация» жизни), экономической («немедленный» коммунизм) и политической (антиправовые методы управления) еще продолжают оставаться в силе. Но главное, решающее возражение – с точки зрения национальной – отпала. Следовательно, и преодоление всех тягостных последствий революции должно ныне выражаться не в бурных формах вооруженной борьбы, а в спокойной постепенности мирного преобразования путем усвоения пережитых уроков и опытов. Помимо того, теперь уже нет выбора между двумя лагерями в России. Теперь нужно выбирать между Россией и чужеземцами. А раз вопрос ставится так, то на все жалобы об изъянах родной страны, соглашаясь признать наличность многих их этих изъянов, я все-таки отвечаю словами поэта: —

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне!¹³

¹³ Из стихотворения А. А. Блока «Грешить бесстыдно, непробудно...».

ДВА СТРАХА¹⁴

Что станется с Россией от революции? – Вот мучительный вопрос для всякого, кто ощущает живую ценность русской культуры, и тем более для всякого, кто имеет право и счастье считать эту культуру родною, «своей».

Что станется с Россией от революции? – На пути разрешения этой бесконечно грандиозной проблемы и до углубления в ее подлинное существо приходится сталкиваться с двумя довольно распространенными в наши дни представлениями о характере переживаемого страной кризиса.

Во-первых, указывают на его глубоко разрушительные тенденции. Во-вторых, подчеркивают его не национальную природу, нерусскую основу.

Обоим этим взглядам мне хочется ныне посвятить несколько замечаний «культурно-исторического» порядка, отнюдь не претендующих на какие-либо конкретные выводы в сфере злободневной практической политики.

1

В самом деле. Не есть ли крутящаяся над Россией буря – сплошное разрушение, «чистое отрицание», безнадежно опустошительное, как порыв осеннего ветра или деревенский пожар в знойный летний день? Не есть ли она – гибель русской культуры или, в лучшем случае, тягчайший удар по ней?

Естественный вопрос современников. Ибо они видят, как горят усадьбы, как умирает устоявшийся быт, такой очаровательный и благородный, как в дни уличных восстаний расхищаются любимые музеи, как тяжелый снаряд разрывается на куполе Благовещенского кремлевского собора, как драгоценности Зимнего Дворца продаются на заграничных толкучках, как исчезает, спаленный пожаром, старый Ярославль... Ибо, кроме того, они воочию наблюдают потрясающее опустошение в рядах тех, кто по справедливости считался ими цветом современной русской культуры, – они видят, как рука убийц поражает Шингарева, Кокошкина, как в кошмарных условиях изгнания гибнет от нелепых тифов длинная вереница виднейших деятелей общественности и науки во главе с Трубецким, как один за другим вырываются из строя русскими пулями популярнейшие русские генералы, как покидают родину лучшие ее люди, как, наконец, умирают от голода Лаппо-Данилевский, Розанов и многие, многие другие...

И они готовы, эти несчастные, измученные современники, всеми словами, какие находят, проклинать налетевший шквал, считать его бессмысленно разрушительным, позорной болезнью, падением «когда-то великого» народа...

Нельзя бросить камня в измученные души за эти суждения, столь принудительно диктуемые непосредственными впечатлениями окружающего. Но вряд ли, однако, можно и считать такие суждения голосом истины, правдиво и полно выражающим смысл переживаемых событий: – «чтобы увидеть, высоко ли поднимаются башни в городе, нужно выйти далеко за пределы городских стен» (Ницше)...

Дело в том, что сам по себе факт разрушения вовсе не есть какое-то абсолютное зло. Он становится злом, когда не сопровождается определенным творческим напряжением, тем актом,

¹⁴ «Новости Жизни», 13 августа 1920 года. Эта статья лишена конкретно-политического характера и не имеет прямого отношения к чисто тактическим вопросам, обсуждаемым в настоящем сборнике. Достаточно сказать, что оба ее тезиса я поддерживал вполне и в прошлом году, принимая в то же время активное участие в «беспощадной» борьбе с воплощением революции – большевизмом. Однако я считаю все же целесообразным включить ее в сборник, ибо оспариваемые ею точки зрения нередко выдвигаются ныне в качестве аргументов в пользу продолжения гражданской войны.

который Бергсон называет «жизненным порывом». Но такой порыв присутствует в каждом крупном историческом движении.

Всякое великое историческое событие сопряжено с разрушением. И, вообще-то говоря, культура человечества тем только и жива, что постоянно разрушается и творится вновь, сгорая и возрождаясь, как Феникс из пепла, поглощая порождения свои, как Сатурн.

Разрушение страшно и мрачно, когда на него смотришь вблизи. Но если его возьмешь в большой перспективе, оно – лишь неизбежный признак жизни, хотя, быть может, и несколько грустный признак: было бы лучше, если б творчество не предполагало разрушения и, скажем, ценности языческой культуры мирно уживались рядом с явлениями христианства, а быт Людовика XIV – с атмосферой пореволюционной свободы личности...

Но ведь этого нет, и по условиям жизни земной, во времени протекающей, быть не может. Взять хотя бы эти два случайно всплывшие примера. Христианская культура, введенная в мир великой и мрачно прекрасной эпохой средневековья, началась с того, что безжалостно сокрушила бесконечное количество несравненных памятников древности. «Нашествие варваров внесло гораздо меньше опустошений в сокровищницу древней культуры, нежели благочестивая ревность служителей христианской Церкви» – говорит историк средних веков Генрих Эйкен. Равным образом тот безгранично рафинированный, виртуозно изящный быт двора Людовика XIV, который с такой любовью описан Тэнном в первом томе его труда, исчез навеки, смытый революцией. Но ведь и средние века обогатили человечество потоком напряженнейшей и своеобразнейшей своей собственной культуры, и само нашествие варваров положило начало новой истории, приобщив свежие народы к разрушенной ими цивилизации, и французская революция внесла в европейскую историю самозаконный мир своих ценностей, ставших воздухом нового человечества и прославив Францию навеки.

Старый быт умирает, но не бойтесь – новая эпоха обрастает новым бытом, новой культурой. Благочестивые католики разрушили очаровательную древность, вдохновили и прославили убийц отступника Юлиана и многих других врагов христианства, – но не они ли подарили человечеству Бернарда Клервосского и Екатерину Сиенскую, Августина, Франциска, Данте?.. Великий Петр ниспроверг кондовый уют московской Руси, но не он ли заложил фундамент гранитной культуры петербургского великодержавия?.. Неистовства 93 года похоронили навсегда утонченные ароматы Версаля и старых французских поместий, но взамен не они ли дали миру «Микель-Анжело на троне» – Бонапарта и пышный индивидуализм 19 века? Войны Наполеона великие страдания принесли народам Европы, сокрушили много драгоценностей в Италии, Германии, Испании и других странах, разрушили старые стены Московского Кремля и устраивали конюшни в его храмах, – но разве не внесли они в мир новые прекрасные ценности – от ренессанса героического цезаризма до «Войны и мира» Толстого включительно?..

Хвала! Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал...¹⁵

«Все прекрасное трудно» – утверждали греки. «Все прекрасное на земле требует искупительных жертв» – сказало христианство Голгофой. Все прекрасное достигается разрушением, страданиями, кровью.

«История – не тротуар Невского проспекта» – любил говорить Н.Г. Чернышевский.

Из всего этого отнюдь не вытекает, конечно, что следует поощрять, а не сдерживать конкретные проявления стихийной разрушительной силы, характерной для «критических» эпох.

¹⁵ Из стихотворения Пушкина «Наполеон».

Но из этого вытекает, что подобные проявления не дают еще ни малейшего права считать такие эпохи бесплодными, злыми или постыдными.

Когда в дни последней войны немцев упрекали за лувенскую библиотеку и реймский собор, они отвечали устами своих идеологов: – «Если гений Германии восторжествует в мире, он его отблагодарит новыми ценностями, перед которым померкнут пострадавшие Реймс и Лувень». – Ответ, достойный народа Гете и Вагнера, Гегеля и Бисмарка...

...Я уже готов предчувствовать негодующий гомон: «Что это? Воспевание культурного варварства? Вандализм?»...

Пусть себе волнуются на здоровье. Никогда меня не трогали ни на волос все эти филистерские жупелы и убогие каноны в шоры облеченных интеллигентов, подобно «швабским поэтам», умеющих гордиться лишь своим «целомудрием»...¹⁶

И думается мне, что подобно тому, как современный француз на вопрос «чем велика Франция» вам непременно ответит «Декартом и Руссо, Вольтером и Гюго, Бодлером и Бергсоном, Людовиком XIV, Наполеоном – и великой революцией», – так и наши внуки на вопрос «чем велика Россия» с гордостью скажут: – «Пушкиным и Толстым, Достоевским и Гоголем, русской музыкой, русской религиозной мыслью, Петром Великим и великой русской революцией»!

2

Какое глубочайшее недоразумение – считать русскую революцию не национальной! Это могут утверждать лишь те, кто закрывает глаза на всю русскую историю и, в частности, на историю нашей общественной и политической мысли.

Разве не началась она, революция наша, и не развивалась через типичнейший русский бунт, «бессмысленный и беспощадный» с первого взгляда, но всегда таящий в себе какие-то нравственные глубины, какую-то своеобразную «правду»? Затем, разве в ней нет причудливо преломленного и осложненного духа славянофильства? Разве в ней мало от Белинского? От чаадаевского пессимизма? От печеринской (чисто русской) «патриофобии»¹⁷? От герценовского революционного романтизма («мы опередили Европу, потому что отстали от нее»)? А писаревский утилитаризм? А Чернышевский? А якобизм ткачевского «Набата»¹⁸ (апология «инициативного меньшинства»)? Наконец, разве на каждом шагу в ней не чувствуется Достоевский, Достоевщина – от Петруши Верховенского до Алеши Карамазова? Или, быть может, оба они – не русские? А марксизм 90-х годов, руководимый теми, кого мы считаем теперь носителями подлинной русской идеи, – Булгаковым, Бердяевым, Струве? А Горький? А «соловьевцы» Андрей Белый и Александр Блок?..

Я мог бы органическую связь каждого из крупных русских интеллигентских течений прошлого и нынешнего века с духом великой русской революции подтвердить документально и надеюсь когда-нибудь это сделать. Факт этой связи не подлежит никакому сомнению, как бы его ни оценивать, как бы к нему не относиться.

Мы переживаем теперь какое-то магическое оживотворение всей истории русской политической жизни на фоне глубокой болезни нашего государственного организма. И пусть образы этой мысли в их нынешней лихорадочной интерпретации нередко похожи на бред, – все же это бред великого народа, в тысячу раз более содержательный и плодотворный, нежели здоровое

¹⁶ В поэме Г. Гейне «Атта Троль» заколдованный в мопса поэт рассказывает: Гетеанец я невинный, Представитель швабской школы. Нравственность – вот наша муза! <...> В ней одно богатство наше! (Пер. В. Левина)

¹⁷ Намек на известные строки В.С. Печерина: Как сладостно отчизну ненавидеть И жадно ждать ее уничтоженья, И в разрушении отчизны видеть Всемирного денницу возрожденья!

¹⁸ «Набат» – радикально-революционный журнал, издававшийся в Женеве в 1875–1881 гг. П.Н. Ткачевым.

житие всякого рода дутых карликовых ничтожеств, высыпавших, подобно грибам, на нездоровом стволе современного человечества.

Нет, ни нам, ни «народу» невместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис – ни за темный, ни за светлый его лики. Он – наш, он – подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом, – и ничего подобного не может быть и не будет на Западе, хотя бы и при «социальной революции», внешне с него скопированной...

И если даже окажется математически доказанным, как это ныне не совсем удачно доказывалось подчас, что девяносто процентов русских революционеров – инородцы, главным образом евреи¹⁹, то это отнюдь не опровергает чисто русского характера движения. Если к нему и прикладываются «чужие» руки, – душа у него, «нутро» его, худо ли, хорошо ли, все же истинно русское, – интеллигентское, преломленное сквозь психику народа.

Не инородцы революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами революционерами, внешне или внутренне приобщившимися «русскому духу» в его нынешнем состоянии. Это – свойство всякого подлинно великого национального движения. «Не люди двигают революцию – говорит знаменитый французский философ реакции Ж. де Мэстр, – революция пользуется людьми. Очень хорошо утверждают про нее, что она идет сама собой»...

И глубоко упадочные, декадентские разговоры о каком-то инородческом «засилии» (в смысле духовного пленения) над нынешней Россией являются, воистину, не только тягостнейшим, но и совсем незаслуженным оскорблением родины.

¹⁹ Устрялов старался в своей публицистике обходить «еврейский вопрос» стороной. В письме С.В. Дмитриевскому от 17 февраля 1933 г. он писал: «Не скрою, мне антисемитизм был всегда чужд (в общественной работе и в мирозерцании) <... >» (Исторический архив, 2000, № 3, с. 85). Немаловажно отметить в этой связи, что издатели и члены редакций дальневосточных газет, где печатался Устрялов («Новости жизни», «Утро»), в большинстве своем были евреями. Есть непроверенные сведения, что родня самого мыслителя по матери (Ерохины) происходила из выкrestов.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОКТЯБРЯ

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ

(Ответ П.Б. Струве²⁰)

Из всей обширной критической литературы, посвященной «национал-большевизму», статья П.Б. Струве в берлинском «Руле» представляется наиболее примечательной. Она сразу берет проблему в корне, выдвигает самые существенные, самые серьезные возражения, формулируя их выпукло, лапидарно и изящно. В ней нет ничего лишнего, но главное, что можно сказать против оспариваемой позиции, исходя из ее же собственного отправного пункта («имманентная критика»), – ею сказано.

Тем отраднее констатировать ее внутреннее бессилие по существу опровергнуть национал-большевизм в его основных утверждениях. Даже и наиболее, казалось бы, веские, наиболее убедительные на первый взгляд аргументы, по-видимому, неспособны поколебать этой точки зрения, завоевывающей ныне все более широкие симпатии в стане русских патриотов.

Разберемся в интересующей нас статье.

1

Решающая ошибка П.Б. Струве состоит в том, что он смешивает большевизм с коммунизмом. Исходя из этого невероятного и недосказанного им отождествления, он и получает легкую возможность утверждать «абсолютную и объективную антинациональность большевизма».

Я готов согласиться с П.Б. Струве, поскольку острие его полемики направлено против ортодоксального коммунизма. Едва ли реже, чем моим нынешним политическим противникам, приходилось мне самому подчеркивать чрезвычайную экономическую вредность коммунистического режима в современной России (эта сторона примиренческой позиции уже отмечалась в критической литературе: ср. ... напр., статьи Пасманика в «Общем деле» и проф. Яценко в № 5 «Русской Книги»). Струве совершенно неправ, заявляя, будто национал-большевизм, увлекшись государственным фасадом Советской России, склонен «идеализировать весь ее строй» (т. е., очевидно, включая и социально-экономическое экспериментаторство?) Этого никогда не было и не могло быть.

Но ведь в том-то и дело, что советский строй не только не исчерпывается экономической политикой немедленного коммунизма, но даже и не связан с нею органически и неразрывно. Сам Струве несколькими строками ниже говорит о большевизме как о «государственной системе», представляющей собою «чистейшую политическую надстройку без экономического базиса или фундамента». Таким образом, необходимо признать, что качество «абсолютной и объективной антинациональности» присуще не большевизму, как таковому, а лишь той экономической политике, которую вела большевистская власть в период гражданской войны в неоправданном расчете на близкую мировую революцию.

Однако общая обстановка заставила ее изменить систему своей экономической политики. Пришло время, когда хозяйственная опустошительность социального опыта уже не может более компенсироваться никакими политическими успехами революционной власти.

²⁰ «Новости Жизни», 18 сентября 1921 года. Парижский журнал «Смена веков», № 3 (12 ноября 1921 года). Статья Струве о национал-большевизме были затем воспроизведены в журнале «Русская мысль» (София, 1921, кн. V–VII) под заглавием «Историко-политические заметки о современности».

Государство затосковало по хозяйству. На наших глазах происходит то тактическое «пере-рождение большевизма», которое нами упорно предсказывалось вот уже более полутора лет (см. хотя бы мою статью «Перспективы» в сборнике «В борьбе за Россию»), и ориентация на которую есть один из основных элементов национал-большевистской идеологии и тактики. Коммунизм из реальной программы дня постепенно становится своего рода «регулятивным принципом», все меньше отражающемся на конкретном организме страны. Советская власть капитулирует в сфере своей экономической политики, – какими бы правоверными словами эта капитуляция ни прикрывалась ее официальными представителями.

Совершенно верное указание на национальную вредоносность коммунизма бьет, таким образом, мимо «примиренцев», поскольку они утверждают (а жизнь подтверждает), что большевизм эволюционно принужден будет во имя сохранения своей «эффективной политической надстройки», нужной ему для мировых целей, ликвидировать хозяйственно не оправдавший себя «базис» насильственного, «азиатского коммунизма». Тем самым и фасад мало-помалу утратит свою кажущуюся «призрачность» и обманчивость.

При этом для нас имеют лишь второстепенное значение мотивы, которыми руководствуется советская власть в своей «эволюции». П.Б. Струве правильно подчеркнул в первой своей статье наше утверждение: большевизм может осуществить известную национальную задачу вне зависимости от своей интернационалистической идеологии.

Другой вопрос – удастся ли советской власти в тяжелых условиях современной русской жизни перевести страну на «новые хозяйственные рельсы». Но что она принуждена «искренно» и всеми силами стремиться к этому, – сомнений быть уже не может. Равным образом ясно, что это ее устремление – объективно в интересах страны. Следовательно, оно должно встретить активную поддержку со стороны русских патриотов. Другой же путь – «возврат к капитализму» через новую политическую революцию – при данной обстановке несравненно более эфемерен, извилист и разрушителен.

2

Государственная «надстройка» имеет самостоятельный корень и самодовлеющее значение. Государственная мощь создается духом в еще большей мере, нежели материей; тем более, что здоровый дух в конечном счете неизбежно дополняет себя и материальной мощью – облекается в золото и ощетиливается штыками. Вообще говоря, терминология марксизма, которой зачем-то пользуется П.Б. Струве в нашем споре, совсем не идет к делу и лишь напрасно затемняет проблему. Ни для него, как для участника «Вех», ни для меня, как их воспитанника, не может быть сомнения в огромной и творческой ценности самого начала государственной организации, как такового. В социальной жизни «надстройка» может подчас сыграть созидательную и решающую роль. Она не есть непременно нечто вторичное и производное, фатально предопределенное фундаментом. Она может сама обрести базу, причем нет математически установленного соотношения между данной конкретной надстройкой и определенной конкретной базой. В творческих поисках экономической основы государственное здание может само себя трансформировать. Нет надобности его во что бы то ни стало разрушать до тла, чтобы не очутиться перед сплошной грудой развалин без всякого фундамента и без всякой постройки вообще. Спасение приходит часто через «политику», через «фасад» – так сказать, сверху, а не снизу. Как же игнорировать политическую организацию, которую сумела выковать наша революция, только на том основании, что до сего времени эта организация сочеталась с утопической и вредной системой хозяйствования?

Не могу не признаться, что с моей точки зрения правительства Львова и Керенского, в полтора года доведшие (пусть неволью) страну до полного государственного распада методами своей политики, едва ли не в большей степени заслуживают названия «абсолютно и объек-

тивно антинациональных», нежели большевизм, сумевший из ничего возродить государственную дисциплину и создать хотя бы «эффектный фасад государственности». Для начала и это бесконечно много. Через мощную, напряженно волевою власть, и только через нее одну, Россия может прийти к экономическому и общенациональному оздоровлению. Какой же смысл расшатывать в таких муках создавшуюся революционную власть, не имея взамен никакой другой, – да еще тогда, когда наличная власть делает героические усилия восстановить государственное хозяйство, хотя бы путем постепенного возвращения к «нормальным условиям хозяйственной жизни», до сих пор ею по принципиальным соображениям уничтожавшимися?

Я понимаю «формальных демократов» и радикалов-интеллигентов старого типа в их органической ненависти к «московским диктаторам». Эти по своему цельные, хотя и мало интересные люди еще долгое время останутся в России профессионалами подполья и перманентными обитателями Бутырок. Но разве место в их рядах или рядом с ними тем, кто так чуждается «дореволюционной интеллигентщины» и постиг до конца логику государственной идеи?

Пусть конечные цели большевиков внутренне чужды идеям государственного и национального могущества. Но не в этом ли и заключается «божественная ирония» исторического разума, что силы, от века хотящие «зла», нередко вынуждаются «объективно» творить «добро»?..

Откровенно говоря, меня прямо поражает утверждение П.Б. Струве, что «события на опыте опровергли национал-большевизм». Мне кажется – как раз наоборот: события покуда только и делают, что подтверждают его с редкостной очевидностью, оправдывая все наши основные прогнозы и систематически обманывая все ожидания наших «друзей-противников». Идеология примиренчества прочно входит в историю русской революции. Кстати, простая хронологическая справка опровергает догадку Струве о причинной зависимости этой идеологии от эпизодических большевистских успехов на польском фронте: определяющие положения национал-большевизма, тогда уже «носившиеся в воздухе» и проникавшие к нам из глубин России, были мною сформулированы печатно в феврале 20 года, а устно и предположительно (ближайшим политическим друзьям) – еще раньше, в последние месяцы жизни омского правительства. Будучи внутренне обусловлена анализом русской революции, как известного сложного явления русской и всемирной истории, идеология национал-большевизма внешне порождена приятием результата нашей гражданской войны и открыто выявлена за границей в связи с ликвидацией белого движения в его единственной серьезной и государственно-многообещающей форме (Колчак-Деникин). Струве прав, признавая, что это течение «родилось из русской неэмигрантской почвы и отражает какие-то внутренние борения, зачатые и рожденные в революции». Дни польской войны дали ему лишь яркий внешний пафос, естественно потускневший после ее окончания, но сделавший свое дело, широко распространив лозунги и проявив лик народившегося течения. Логическое же его содержание было несколько не поколеблено неудачным исходом польской войны. Дальнейшие события – крушение Врангеля, сумевшего лишь обеспечить Польшу рижский мир²¹, явное обмельчание и абсолютное духовное оскудение дальнейших белых потуг (ср. позорище нынешнего Владивостока), и, главное, начавшаяся тактическая эволюция большевизма – все это лишь укрепило нашу политическую позицию и обуславливало ее успехи в широких кругах русских националистов, заметно разочаровавшихся в эмигрантской «головке».

Мы никогда не ждали чуда от нашей пропаганды и не прикрашивали безотрадного состояния современной России. Приходилось выбирать путь наименьшего сопротивления, наибо-

²¹ Рижским миром (1921) были подведены итоги советско-польской войны, за Польшей остались Западная Украина и Западная Белоруссия.

лее жизненный и экономный при создавшихся условиях. Нельзя было не предвидеть всей его тернистости и длительности, но выбора не было.

Пусть П.Б. Струве перечтет статьи своих единомышленников за последний год и сравнит их с литературой национал-большевизма: кто проявил большую трезвость, большее чутье действительности, и кто обнаружил больше политического «сумбура»? Кто сумел установить известную историческую перспективу, и кто фатально принимал всех мух за слонов, настоящего-то слона так и не удосужившись приметить?..

3

Наконец, что же противопоставляется самим Б.П. Струве отвергаемой им политической тактике? – Неясно. – «Сумбурно». Дразнящая «апория» на самом интересном месте, как в ранних диалогах Платона.

Впрочем, в «Размышлениях о русской революции» высказывается такой прогноз-императив:

«Русская контрреволюция, сейчас смятая и залитая революционными волнами, по-видимому, должна войти в какое-то неразрывное соединение с некоторыми элементами и силами, выросшими на почве революции, но ей чуждыми и даже противоположными» (с. 32).

Эта туманная фраза (сама по себе дающая материал и для выводов в духе национал-большевизма) получает известное разъяснение в анализируемой статье из «Руля». И это разъяснение делает ее в моих глазах уже совсем неприемлемой. «Некоторые элементы и силы» – это, очевидно, прежде всего красная армия, которую П.Б. Струве и рекомендует использовать непосредственно в целях контрреволюции, т. е. направить ее против большевистского режима в той революционной борьбе, которую должны с ним вести национальные силы.

Этот рецепт при современной политической конъюнктуре явно неудачен: в лучшем случае он утопичен, а в худшем – антинационален и противогосударственен. Если он имеет в виду безболезненный и «в полном порядке» акт выступления красной армии (со всеми ее курсантами) против нынешней русской власти, во имя определенной идеи или определенного лица, – то он просто «лишен всякого практического смысла», и из него, как из наивной фантазии, «нельзя извлечь никаких директив для практических действий», даже при признании его «теоретически правильным». Если же он стремится разложить красную армию теми методами, какими в свое время большевики разлагали белую, – он национально преступен и безумен, ибо разрушит те «белые принципы», которые, по меткому замечанию Шульгина, переползли-таки за линию красного фронта в результате нашей ужасной, но поучительной гражданской войны. Я убежден, что именно П.Б. Струве должен понимать лучше других всю безмерную опасность внесения революции в красную армию, всю недопустимость новой демагогической дезорганизации русской военной силы. Зачем же бросать недоговоренные лозунги и двусмысленные рецепты? К чему этот рецидив красной большевистской весны?

Момент конфликта революции с «некоторыми элементами и силами, выросшими на ее почве, но ей глубоко чуждыми», еще далеко не настал и пока что он даже не обрисовывается впереди. Напротив, в данный момент наблюдается скорее своеобразное взаимное сближение этих двух факторов современной жизни России. Нет смысла искусственно вызывать или форсировать их конфликт, – гораздо более целесообразно добиваться возможно большего органического или даже механического приспособления революции к национальным интересам страны, хотя бы формально и внешне победа осталась за интернационалистической революцией, хотя бы лозунги ее были по-прежнему внешне противоположны началам национализма и государственности. И та сторона национал-большевизма, которую Струве неправильно называет «идеологией национального отчаяния», как раз и учитывает известную полезность революционной фирмы в «защитных» государственных целях. Не совсем для меня понятная

ссылка на «чудовищное лицемерие и маккиавеллизм» такой точки зрения не может служить ее убедительным опровержением. Тем более, что ведь сама-то революция «субъективно» действует здесь без всякого лицемерия и маккиавеллизма. Следовательно, известные и чисто конкретные результаты (хотя бы они были и очень далеки от заправской «мировой революции») могут быть достигнуты. Для патриота же все действенные пути сохранения и восстановления родины, мыслимые при данных условиях, должны быть сполна использованы.

Тактика национал-большевизма столь же осмысленна, сколь ясна и внутренне цельна его идеология.

IGNIS SANAT²²

Не могу удержаться, чтобы не откликнуться несколькими строками на статью Е.Е. Яшнова «Попутные мысли». Его общая концепция мне очень близка, его конкретные политические рецепты я всецело считаю своими, равно как и его подходы к основным идеологическим проблемам современности.

Но решительно не могу согласиться с его неожиданно прямолинейной и отвлеченной трактовкой революции как сплошного, всестороннего зла. Мне кажется, такая трактовка прежде всего несовместима с общими посылками того философско-исторического оптимизма, который исповедуется самим автором статьи (ср. его статьи в первых номерах «Русской жизни»). Ведь он так удачно возражал впавшему в манихейство П.Б. Струве, восставшего против осмысливания революции, и так убедительно доказывал глубокую внутреннюю ее неизбежность, ее исторический смысл. Зачем же после этого оспаривать правомерность апелляций к смыслу и праву мировой истории, обличая в них «исторический субъективизм (одному кажется так, другому наоборот)» или даже «искаженные (?) религиозные представления»? Тут сразу же получается какая-то невязка, причем, не скрою, мне особенно невдомек было слышать эти грубо релятивистские утверждения из уст человека, считающего себя сторонником идеалистического миропонимания славянофилов, Достоевского, Соловьева и др.

Так же, как и Е.Е. Яшнов, я весьма далек от революционного романтизма и отнюдь не склонен неумеренно восторгаться конкретным обликом русской революции. Много в этом облике дурного, темного, отталкивающего, много такого, что должно преодолеть. Но когда на этом основании полагают уместным предаваться сарказму по поводу «какой-то новой России» и уподоблять революционный процесс бессмысленно разрушительному пожару, то происходит совершенно непохвальный скачок мысли.

Пожар есть, по большей части, нечто внешнее и случайное, между тем как революция – глубоко закономерна, исторически предопределена. Яшнов сам прекрасно показал в своей прошлой статье, что она «приближалась к России не как тать, а совершенно явно». Революция выявляет собою органические потенции нации, выводит наружу ее внутреннюю болезнь. Она одновременно выявляет и преодолевает эту болезнь. Отсюда ее «коренное худо» коренится не столько в ней самой, сколько в ее причинах, в порочном наследстве, которое она принимает, чтобы погасить. Воистину, революция сорвала вековые обручи (порядком подгнившие) с великой русской бочки, и это менее всего вина революции, что содержание бочки оказалось достаточно горьким. В конечном счете едва ли не лучше, что оно обнаружилось и проветривается, ибо иначе оно не только само прогоркло бы уже вовсе, но и проело, отравило бы и самую форму свою, самый свой образ, дерево бочки. На свежем же воздухе, даст Бог, развеется и горечь... а за новыми обручами дело не станет и уже не стоит...

«Если бы пожара не было, было бы лучше». По отношению к пожару, возникшему случайно, эта фраза, быть может, и не лишена известного смысла. Но по отношению к происшедшей революции она в высокой мере беспредметна. В избе, которая завтра сгорит от обороненного пьяным мужичком огонька, сегодня нет ничего, что предвещало бы пожар. В России перед февралем все вопияло о грядущей революции. И те, кто, мудро предвидя ее ужасы, хотели ее предотвратить, чувствовали свое трагическое бессилие это сделать. Скопившееся, набухшее зло требовало выхода, борьбы, организм стихийно требовал его уничтожения. Конечно, лучше бы его уничтожить «эволюцией» – тут у нас нет разногласий, ибо мы не революционеры. Но, к несчастью, объективно на эволюцию не хватило ни средств, ни здоровья, ни времени. Однако, с другой стороны, не случилось и полного торжества болезни – т. е. безропотной смерти орга-

²² (Огонь очищает – лат.). Альманах «Русская Жизнь», выпуск третий, октябрь 1922 года.

низма. Он нашел в себе силу, но не для мирного и бесшумного преодоления зла, а для бурного, напряженного, изнуряющего протеста против его влияний, обнажающего разом весь их размах...

Итак, революция есть не только проявление зла, но и начало победы над ним. Она – жар, температура в сорок градусов, возвещающая болезнь, терзающая организм, но и защищающая его от губительных микробов. – Это уподобление столь же банально, но и гораздо более верно, нежели яшновский «пожар».

Революция – не смерть, но симптом болезни, нередко болезни роста. Она не только разрушает, как пожар, но непременно и созидает. Точнее, создает условия созидания, убивая факторы, ему препятствовавшие, и выводя на свет новые творческие силы. Всегда и неизбежно сопровождается она нарастанием «государственно-сверхрациональных импульсов» в широких народных массах охваченной ею страны. Не говорю уже о том, что и самый бред ее зенитного периода не может не считаться характерным и плодотворным, обогащающим всемирную историю «идеями-силами» большого стиля и назидательной поучительности.

Повторяю, было бы лучше, если бы микробы зла гибли от слова. Но что же делать, раз царство зла реально и требует страданий для своего искупления? «На розовой воде и сахаре не готовятся коренные перевороты: они предлагаются всегда человечеству путем железа, огня, крови и рыданий... Все болит у древа жизни людской» (К.Леонтьев). – Если не помогает слово, поможет железо. Не поможет железо – спасет огонь. Не шальной огонь случайного пожара, не до красна, до бела раскаленная сталь врачебного инструмента. Врач тут – исторический Разум, Верховная Воля, Начало Добра, «общие линии которого мы смутно чувствуем, а конечных целей не понимаем, ибо они – в Непостижимом («Нищета рационализма» – «Русская Жизнь» № 2). Исторический Разум, живущий в нации, в государстве, врачующий их недуги их же собственными орудиями и силами...

И нечего лить слишком много слез по поводу разрушенных «ценностей», хотя, конечно, каждый из нас обязан их, по возможности, беречь и охранять. Но не нужно превращать их в фетиш, иначе прав окажется Гершензон, ими гурмански пресытившийся и теперь вот проклинающий их «пышные ризы» как «досадное бремя», как «слишком душную одежду» («Переписка из двух углов»). При всем их богатстве они останутся тогда мертвым грузом²³. Если под ними кроется духовная смерть или скрытая, застарелая болезнь, не поддающаяся «целительной силе природы», – взрыв, как это ни печально, неизбежен. Следует его предотвращать, до последней минуты не теряя надежды обойтись без него при помощи указанной целительной силы, – но раз он уже произошел, нечего закрывать глаза не только на его злые проявления, но и на благую весть, которую он собою несет, и на «любовь ненавидящую», которую он вместе с клеточками живого тела выжигает микробы старого зла.

Выжгла много таких микробов и русская революция. Камня на камне не остается после нее ни от выродившейся старой власти, ни, что не менее важно, от старой радикальной интеллигенции, ни от отжившего социального уклада. При всех мрачных своих пороках (она выявила всю серьезность болезни, до нее спрятанной внутри нашего государственно-национального организма – болезни, отнюдь, разумеется, не исчерпываемой так называемыми «преступлениями старого режима»), она несет собою великое обетование – ту в целебном огне рождающуюся новую Россию, которая «буди, буди» и которая чается нами свободной от грехов России прошлого, хотя и глубоко связанной с нею единством субстанции, дорогих воспоминаний, единством великой души...

²³ В плане «вещественном», оттого и произошла революция, что огромные «вещественные ценности», бывшие достоянием русского государства, не обращались своевременно «на выкуп всех помещичьих земель», на осуществление всеобщего обучения и на постройку многих тысяч верст железных дорог». Материальные ценности имелись налицо, но дух нации был болен, и богатства не шли впрок.

Тут не «наивный пафос», которым хочется прикрыть ужасы горькой действительности (по собственному признанию Е.Е. Яшнова, «довольно быстро изживаемой»), – тут неизбежная вера, подтверждаемая «залогами» и знаменами, оправдываемая всем ходом революции, всей историей ее внешнего и внутреннего преобразования за эти пять лет. Горькой действительности прикрывать отнюдь не следует, но вместе с тем подобает ли из-за деревьев забывать о лесе? А лес – Россия – ведь живет, и неложные признаки свидетельствуют, что не так далеко время, когда весь мир наполнится шумом его оживающих листьев. Иначе зачем же подымать из могил тени славянофилов, Гоголя, Достоевского, Леонтьева?..

Впрочем, резюмирую, дабы реплика моя была похожа именно на реплику.

Не менее чем Е.Е. Яшнов, будучи чужд официальным канонам русской революции в их непреклонной чистоте, я, однако, считаю в корне ошибочным трактовать как сплошное зло революционный процесс в его историческом воплощении и жизненной целостности. Не уместаясь в рамки штампованной революционной доктрины, он полон глубочайшего исторического смысла и предвещает собою некую национальную, а тем самым и всемирную правду. Воистину, он прихотливыми путями вводит Россию в ту «полноту духовного возраста», о которой в свое время мечтал Достоевский.

Если нужно бояться революционной романтики с ее истерически фальшивым возведением революции, как таковой, в перл создания, то не следует увлекаться и бесплодной «рационалистической» попыткой отнять у исторически осмысленного и национально-органического явления печать нравственно-исторической оправданности.

ОБМИРЩЕНИЕ²⁴

Историки средних веков согласно и убедительно показывают, каким образом первоначальная чистота трансцендентного средневекового христианского идеала, покорив мир через мощную организацию церкви, постепенно и органически перерождалась под влиянием конкретных и неистребимых требований земной действительности. Формально торжествуя, на деле она мало-помалу впитывала в себя элементы и качества, внутренне чуждые ее отвлеченному существу. Воплощаясь, она переставала быть самой собой, несмотря на неизменность официальных своих признаков, внешнего своего ритуала.

«Чем более религиозный дух средневековья овладевал миром, – читаем мы у Г.Эйкена, известного историка этой эпохи – тем более церковь должна была получать мирской характер. Идея отрицания мира сама стала источником «обмирщения» церкви. Чем упорнее религиозный дух старался бежать от мира, тем глубже ему приходилось погружаться в мирскую суету. Отрицание мира, с одной стороны, обуславливало равносильное его утверждение – с другой. Через посредство евангелия нищеты церковь приобрела неисчислимые богатства; своим отрицанием половой чувственности она превратила религиозную метафизику в систему грубейших чувственных представлений; евангелие смирения помогло церкви сделаться величайшим и сильнейшим государством своего времени. В этом внутреннем разложении сверхчувственного царства Божия заключалось трагическое противоречие средневековой истории развития. Религиозный дух средневековья стремился избавиться от бремени земного и материального, и это стремление делалось для него источником подчинения материи».

«Религиозная вера была источником богатства, – богатство же и похоронило веру», – писал об этом процессе один из современников позднего средневековья.

Обмирщение церкви было самокритикой сверхчувственной религиозной идеи христианства. Заложенные в этой идее элементы отрицания мира самым процессом своего развития обращались в свою собственную противоположность. Подобно тому, как некогда земной принцип древней культуры – национальное государство – погиб благодаря своему наивысшему воплощению во всемирной римской империи, так чрезмерное расширение «небесного» принципа средневековой культуры повело к стремлениям, прямо ему противоположным.

Средневековье логически пришло к Возрождению. Но длителен был путь всестороннего и всеисчерпывающего «обмирщения» мироотрицающей идеи...

Причудливыми, воистину «диалектическими» путями развивается всемирная история...

Мне вспомнился грандиозный и богатейший пример средневековья в связи с размышлениями над нынешней фазой русской революции. Ведь, право же, в ней отчетливо отражается – только в соответственно измененном масштабе, конечно, – тот же закон исторической диалектики. На наших глазах происходит решительное и неудержимое обмирщение экстремистских дерзаний коммунистической церкви.

Достаточно прочесть месячный комплект любой из больших московских газет современности, чтобы убедиться в этом. После бешеного наступления отвлеченной идеи, пытавшейся подчинить себе чужую ей жизнь, – жизнь вступает в свои права. Дух жизни рвется из всех щелей, преображая идею, покоряя ее себе. Так после кризиса, после «перелома болезни», выдержавший ее организм начинает стихийно наливать здоровьем.

Разумеется, до настоящего, окончательного выздоровления еще очень далеко. «Болезнь входит пудами, а выходит золотниками». Страшное опустошение государства за эти годы дает себя знать на каждом шагу. Пессимистам и безответственным критикам и политикам – масса

²⁴ «Новости Жизни», 10 декабря 1922 года. «Россия» (Москва), № 9.

благодарного материала. Там и здесь – «маленькие недостатки механизма». – Но общая картина – типичный пейзаж «лед тронулся» и «пробуждение весны»...

От коммунистической идеи остались терминология и мечта о мировой революции. И то и другое – достаточно неопасно для современной жизни России. Коммунистическая терминология – те «тормоза», которые сделали болезненным спуск к реальной действительности с утопических высот. Коммунистическая терминология – дань, которую платит жизнь идее за право господствовать над нею. Это совсем не страшно, что коммунисты так часто повторяют свои священные слова. «Всех своих святых помянувши», они постепенно приучаются делать живое и полезное дело, а на свое прошлое остроумно нацепили классическую по находчивости этикетку:

– Эсеровский потребительский коммунизм!..²⁵

Кто знает, не услышим ли мы через год или два более выразительных определений. Например:

– Меншевицкий государственный капитализм!

Или:

– Кадетская идея монополии Внешторга!..

Все может быть. И меньше всего тут следует чему-то возмущаться, негодовать, протестовать. Это как раз то, что нужно, – это наиболее безболезненная форма выздоровления. Следует ее приветствовать от всей души.

«При переменах, – учил великий Маккиавелли, – надо сохранять тень прежних установлений, чтобы народ не подозревал о перемене порядка. Большинство людей больше боится внешности, чем сущности».

«Переход от настоящих установлений к новым, – писал Сперанский Александру I, – надлежит так учредить, чтобы новые установления казались вытекающими из прежних».

Естественно, что правящая власть должна прислушиваться к элементам, ее поддерживающим. В интересах «пролетариев всех стран» необходимо сохранять внешность коммунистических становлений, даже и меняя их сущность...

Что касается мечты о мировой революции, то здесь опять-таки нет ничего, что противоречило бы жизненным потребностям современной русской обстановки. Когда мировую революцию думали насадить ценой разрушения русского государства, дезорганизации армии, «похабного мира», наивных приветов «немецким товарищам» – это было плохо. Тогда «сверхчувственная идея» губила жизнь, была вредна для жизни (хотя из истории культуры мы знаем, что и такие идеи в общем культурно-историческом плане имеют свое «право на существование»). Но когда эта революционная мечта воплощается в жизнь путем воссоздания собственного государства, укрепления его международного положения, возрождения армии, организации хозяйства трезвыми приемами – дело принимает совсем другой оборот.

Не слишком переоценивайте «идеологическую надстройку» происходящего процесса – и вы поймете всю его осмысленность, всю глубокую и утешительную его органичность.

Но если противники марксизма начинают по-своему усваивать относительную истинность его учения о «базисе» и «надстройке», то марксисты, как бы желая любезностью ответить на любезность, конкретно признают самостоятельную значимость «идейного фактора».

Именно этой уступкой идеалистическому мирозерцанию объясняются недавние репрессии, обрушившиеся в России на интеллигенцию и ряд ученых, многие из коих уже читают в Берлине свои русские впечатления. Советская власть применила к ним меры пресечения, согласно заявлениям Троцкого и Зиновьева, по той причине, что опасались их грядущей антикоммунистической активности в благоприятной атмосфере «нэпа»: «все попытки собрать силы на основе нэпа мы будем разбивать на каждом шагу»...

²⁵ Из недавнего воззвания Дальревкома.

Конечно, тут чистый идеализм: наверное, потом обливается от него в гробу прах сурового Маркса. Глубоко идеалистична и сама формула Зиновьева: «политическое наступление при экономическом отступлении». Решительно приходится констатировать, что коммунисты умеют бессознательно исправлять свои увлечения не только в области тактики, но и в плоскости идеологии...

Самый факт репрессий, ныне уже бесспорный, нам, «старым интеллигентам», разумеется, не может не казаться печальным. Впрочем, и в нашей собственной среде насчет высылаемых есть разногласия: одни особенно жалеют Мякотина и Пешехонова, не слишком возмущаясь высылкой Бердяева и Франка, в то время как другие особенно напевают именно на Бердяева и Франка, откровенно присовокупляя, что Мякотина с Пешехоновым они бы и сами, пожалуй, выслали, если б оказались у власти: «беспокойные, надоедливые господа».

Как бы то ни было, гонения на деятелей науки, стоящих далеко от практической политики, определенно свидетельствуют, что до полного выздоровления России еще не так близко. Но есть три соображения, помогающие преодолевать пессимистические порывы, рождающиеся в чересчур впечатлительных людях, в связи с этой мерой советской власти:

1) Самая «мера пресечения» – относительно гуманная. В прошлом году она даже казалась недостижимым идеалом, – следовательно, известный прогресс уже налицо. «И злая казнь мила пред казнью злейшей».

Если так пойдет и впредь, если темп смягчения режима не слишком замедлится, – право же, следует воздержаться от неумеренных жалоб.

Пора вообще забыть о максимализме.

2) В настоящее время в России происходит чисто животный процесс восстановления органических государственных тканей. «Мозг страны» в этот период (по необходимости непродолжительный) не должен ни в какой мере мешать этому процессу. Просто-таки, должно быть, и ему нужно отдохнуть, восстановить свое «серое вещество», воздерживаясь от выполнения прямой своей функции – мысли. С грустью обязаны признаться люди «чистой мысли», философы и вообще «критически-мыслящие личности», что сейчас в России – не их время. Там теперь, – словно в организме после кризиса: волчий аппетит, «жажда жизни неприличнейшая», – как говорил Митя Карамазов, – радостное, животное чувство возвращающихся сил; все элементарно, грубо, стихийно. Рафинированный эстет Н.Н. Русов, захлебываясь, описывает арбатскую баню, а восторженный народнический интеллигент Тан, – гроздя бараньего сала на Смоленском рынке. Нэпманы, «кустари», «чумазы»... Куда уж тут – «критические мысли»! До них ли? Переварит ли их только что преодолевший смерть организм? Сейчас ему по плечу разве лишь «Азбука коммунизма» в ее «оскорбительной ясности» и всесторонней необременительности для «серого вещества»...

Да, конечно, ныне Брюсов может повторить свое знаменитое:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, пустыни, пещеры...²⁶

Правы мудрецы, но своеобразно права и жизнь, их отсылающая в катакомбы. И они должны это понять, этому покориться. Держать «зажженные светы» в катакомбах личного сознания, не вынося их наверх, ибо на поверхности теперь слишком много горячего материала, и факелы мысли будут не столько светить, сколько поджигать...

²⁶ Из стихотворения «Грядущие гунны».

От интеллигенции ныне требуется добровольная аскеза (конечно, очень для нее тягостная!), если ее нет, – жизнь превращает ее в невольную, насильственную.

Но неизбежно придет время – как только восстановятся элементарные животные соки, – когда неудержимо проснется дух и потребность в независимом духе, и тогда уже никакими скорпионами не загнать его в катакомбы. И вспомнятся старые, простые слова Аксакова:

Над вольной мыслью Богу неуютны
Насилие и гнет...²⁷

Но вот и еще одно соображение, внешне наиболее парадоксальное:

3) «Варварская политика, правление дикарей!» – слышим мы нередко. «Готтенготская мораль».

Пусть так. Но разве сами мы не тосковали о «пылающей крови», о «новых гуннах», призванных обновить увядающую историю Европы? Разве на Россию мы не взирали с надеждой, как на «свежую нацию», таящую в себе бездны неосуществленных возможностей? – Так чего же пятиться назад, когда на исторической арене и впрямь появился скиф с исконными качествами варвара? Или, быть может, наш салонный скиф был наделен лишь всеми достоинствами дикаря, будучи лишен его недостатков? Подобно тем зулусам, которые чинно показываются в зоологических садах Парижа и Лондона, он обязан был только корчить страшные рожи, но не допускать невежливов жестов? О, наивность! О, лицемерие!

Нет, уж если взаправду пылающая кровь, то «со всеми ее последствиями». Атилла не знал правил хорошего тона. И покуда он был нужен истории, молчало римское право...

Но затем – неизбежный рок! – «обмирщение» постигло и гуннов в их своеобразной идейной миссии.

Постигнет оно и новых скифов...

«Буржуазная психология захлестывает нас, лезет из всех щелей, – жалуются московские «Известия». – Она проникла и в экономику, и в литературу, и в театр. Она прочно свила себе гнездо даже в нашей партии. Все на борьбу с буржуазной психологией!»...

А поэт зенитных достижений революции, бунтом и хаосом упоенный Маяковский из последних сил обличает канарейку, виденную им в уютной квартирке некоего коммуниста, одного из многих:

Опутали революцию обывательские нити!
Сильнее Врангеля обывательский быт!
Скорее шеи канарейкам сверните,
Чтобы коммунизм канарейкою не был побит!..²⁸

Однако не так-то легко свернуть канарейке шею! Это не Деникин, не Колчак, даже не Антант. Ибо канарейка – «внутри нас есть»...

Еще в начале революции прозорливый ум Ленина выразил эту истину в нашумевшем афоризме, что «в каждом мелком хозяйчике сидит по Корнилову»...

«Буржуазная психология» – это ныне официальный псевдоним жизни, вступающей в свои права. Как в свое время изнутри заползла она в палаты миродержавствующего Ватикана, так теперь просачивается она в буйные дерзания красного Кремля. «Мечта, войдя в действительность, преобразует ее и преобразуется ею»...

²⁷ Устрялов ошибается, это строки из поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин». Ошибка объясняется тем, что у К.С. Аксакова есть стихотворение «Свободное слово», близкое по духу приведенной цитате.

²⁸ Из стихотворения «О дряни».

Анализ современного положения России наглядно свидетельствует о неизбежности развития и углубления послекронштадтского курса советской власти. Где ликвидируются коммунистические увлечения, там автоматически расцветает жизнь. Где они задерживаются, там безотрадная картина топтанья на месте, обильная пища для сатирических самобичеваний. «Государственная промышленность» трагически бессильна выдержать конкуренцию с воскресающей частной инициативой. «Тяжелая индустрия» – последняя цитадель коммунистической экономики – переживает, по общим отзывам, перманентный кризис. Она упорно не хочет «окупать себя», а государство не в состоянии содержать ее на свой счет. Бюрократизм, волокита, взяточничество – все это неразлучные спутники экономической химеры. И, лишь распростившись с нею, мыслимо их победить. Не иначе. Репрессии тут фатально безрезультатны.

Но, очевидно, так нужно, чтобы к сонму безвинных жертв, погибших за «спекуляцию» во славу «эсеровского потребительского коммунизма», прибавились еще толпы «взяточников», покаранных в честь «государственного капитализма». По Гегелю, это будет лишь новое подтверждение «лукавства разума», согласно коему «идея уплачивает дань наличного бытия не из себя, а из страстей индивидуумов»...

Сроки и масштабы истории часто кажутся современникам чересчур растянутыми. Но горе тому, кто, не поняв исторического темпа, хочет его изменить, не имея за собою ничего, кроме субъективных настроений и желаний. «Жирондисты погибли потому, что объявили вершину революции уже пройденной, Бабеф – потому, что считал ее еще не достигнутой» (Шпенглер). Нужно прислушиваться не к голосу чувства и личных стремлений, а к объективной логике событий. В ней всегда больше мудрости и смысла, нежели в самых возвышенных мечтах утопистов и самых страстных обличениях патентованных политических моралистов, на всех заграничных перекрестках ныне еще тянущих свою нудную канитель:

Предатели!.. Погибла Россия!..²⁹

Окончательное констатирование «имманентного разума» русской революционной эпопеи – счастливый удел «будущего историка». Но уже и сейчас для хотящего видеть малопомалу вырисовываются объективные ее контуры. Вдумываясь в них, невольно припоминаешь тот процесс «обмирщения» средневековой церкви, ссылкой на который начинается эта статья. Первоначальные импульсы революции, воплощаясь, явственно «переходят в собственную противоположность». И если нынешняя русская эпоха дождет своего Генриха Эукена, то не прочтут ли у него наши внуки приблизительно следующее:

«Чем более дух коммунистической революции овладевал Россией, тем более коммунизм должен был получать буржуазный характер. Идея отрицания собственности сама стала источником перераспределения богатств, и, следовательно, новой собственности. Чем упорнее революционный дух старался бежать от конкретных условий действительности, тем глубже ему приходилось погружаться в суету повседневной политики. Отрицание наличного социально-политического мира, с одной стороны, обуславливало равносильное его утверждение – с другой. Через посредство отрицания милитаризма коммунистическая власть обзавелась сильнейшей регулярной армией; отвергая в принципе патриотизм, она его практически воспитывала в борьбе с интервенцией и чужеземными вожделениями; своим отрицанием собственных инстинктов она их побудила с интенсивностью, дотоле небывалой в общинной крестьянской России; антигосударственная идеология (ср. Ленин, «Государство и революция») помогла советам сделаться властью величайшего и могущественнейшего государства своего времени. В этом внутреннем разложении интернационально-коммунистической идеи заключалось трагическое противоречие Великой Русской Революции. Революционный дух больше-

²⁹ Блок, «Двенадцать».

визма стремился избавиться от влияний национальных и буржуазных, и это стремление делалось для него источником подчинения этим влияниям».

Неудержимо развивающийся процесс обмирщения коммунистического экстремизма есть истинно-действенная и глубоко-плодотворная самокритика русской революции. Она неизбежно приведет и уже приводит к подлинному русскому Ренессансу.

О НАШЕЙ ИДЕОЛОГИИ³⁰

1

Недавно в письме И.Г. Лежнева нам (группе «Русской Жизни») был предъявлен следующий упрек:

«...Вся группа в целом, живущая на берегах Великого океана, как-то не чувствует велико-океанской эпохи, в которую вступило человечество, интернациональной идеи нашего века, – идеи, которая по своей мощи и резонансу шире христианства, буддизма. Новая религия, под знаменем которой встает новый век, с новой государственностью, с новой культурой, – этого просмотреть нельзя, об этом каждодневно сигнализируют и Запад и Восток – каждый по-своему. С обязательной улыбкой заметить мимоходом, что эти заветы посланы вглубь истории, по доброму примеру французской революции, – значит ограничиться красивой и светской отпиской»...

В этих строках затронута чрезвычайно существенная, серьезная проблема одновременно и «принципиального», и «тактического» характера. Необходимо отдать себе в ней вполне ясный отчет, тем более, что и в печати нам уже неоднократно приходилось слышать упреки в некоторой «старомодности» нашего национализма, неизбежной ограниченности нашего патриотического кругозора, в недостаточном чутье тех «катастрофических» перемен, которые вносит в мировую и русскую историю нынешний кризис. Тем острее потребность эти упреки и возражения основательно продумать, что их доводится нередко выслушивать и от близких нам тактически в данный момент общественно-политических течений, – например, от берлинских «наканунцев» («соскользнувших влево» сменовеховцев) и московско-питерских примиренцев (Лежнев, Тан, Адрианов). Само собою разумеется, что и коммунистические идеологии, со своей стороны, вполне присоединяются к подобным обвинениям по нашему адресу, формулируя их еще более выразительно:

«Проф. Устрялов, – пишет, например, проф. Покровский, – ...оказывается со своим «национал-большевизмом» человеком отсталым, «человеком до 17 года», человеком, не понимающим, что государство охвачено тем же диалектическим процессом, как и все живущее, что государство, созданное революцией, и государство, опрокинутое революцией, разделены друг от друга бездной» (сборник «Интеллигенция и революция», с. 88).

Разберемся в этом обвинительном материале.

2

Прежде всего – в плане столетий, «в масштабе всемирной истории». Независимо от оценки нужд текущего дня, в отрыве от конкретных проблем современной политической жизни России.

В этом разрезе, конечно, нельзя игнорировать мощного интернационализаторского процесса, переживаемого человечеством. Это уже давно стало общим местом, – что международные связи с каждым десятилетием становятся все теснее, взаимозависимость государств – все неразрывнее. Недаром наука государственного права уже к концу прошлого века прочно принялась за пересмотр понятия «государственного суверенитета». Автоматически отцветает и ряд принципов традиционного международного права, вытекающих из старой, «бодэновской»

³⁰ «Русская Жизнь», выпуск четвертый, октябрь 1923.

концепции государства. Эволюция экономической действительности, естественно, не может не отражаться и на истории политических форм. Государственные границы перестают быть непроницаемыми. Признать эту истину, значит, по нынешним временам, сказать самый ординарный, азбучный трюизм. И воистину мы были бы не только «старомодными», но и просто невежественными людьми, если бы вздумали на этот трюизм ополчаться.

Столь же очевидно, что человечество вступает в «океанскую» эпоху своего существования. Весь земной шар становится ареной жизни и деятельности «единого человечества». Нет неоткрытых, и даже, пожалуй, и не используемых так или иначе территорий. «Цивилизация» перестала быть в каком-либо отношении провинциальной. Покоряются пространства, своеобразно побеждается и время, мобилизованы все материки, уже не только научившиеся понимать друг друга, но и органически связанные единством некоторых общих устремлений и интересов. «Мы начинаем мыслить океанами и материками» (Лежнев). Опять-таки, вовсе не нужно жить на берегах Великого океана, чтобы отчетливо сознавать и ощущать эту бесспорную истину.

Но из нее отнюдь еще не вытекает неизбежность какой-то «новой религии интернационализма». Тут уже совсем разные плоскости. Новый всемирно-исторический период принесет собою новую политику, новое государство, обновит правовую жизнь народов мира. Поскольку выдвинутся новые нации, – родятся свежие культурно-национальные ценности. Но считать, что буддизм и христианство могут быть заменены интернациональной идеей современной цивилизации – значит плохо уяснить себе и смысл мировых религий, и внутренние границы интернационализма, как идеи.

Интернационализаторский процесс развивается в категориях цивилизации по преимуществу. Он обусловлен всесторонним усложнением и усовершенствованием техники, он удовлетворяет практическим материальным потребностям современных народов. Социальные взрывы и массовые движения, которыми он сопровождается в настоящее время, ни в каком отношении не могут быть названы религиозными, не заключают в себе ничего по существу религиозного. «Социализм вообще плосок, доска», – преувеличенно резко выражал эту мысль В.В. Розанов («Апокалипсис нашего времени»). Только путем бесконечно поверхностных и внешних психологических аналогий, или откровенных «злоупотреблений термином», можно уподобить социализм и интернационализм религии. По содержанию между ними нет ничего общего, и если интернациональная идея не способна заменить собою религии, то и религия, со своей стороны, нисколько не препятствует успехам интернационализма и социализма. Следует поэтому признать, что «социалистическая» травля религии столь же беспочвенна и неправомерна, сколь поверхностно и тенденциозно становящееся ныне вульгарно-модным «религиозное» социалистоедство.

Если же обратить внимание на духовные возможности всечеловеческого объединения, то нельзя не прийти к выводу, что они вполне укладываются в рамки великих религий человечества. Только глубочайшим недоразумением можно объяснить утверждение, будто интернациональная идея нашего времени «по своей мощи и резонансу шире христианства, буддизма». Превзойти христианство широтой заданий, универсализмом единства и любви – задача заведомо неразрешимая. Поскольку в новом движении проявляются моменты высшей любви и действительной жертвенности, а не эгоизма и холодного практического расчета (в своей сфере вполне закономерного), оно исполняет общественные заветы евангельской этики. «Интернационализм» всецело уместается в эти заветы, для коих не было «эллина и иудея». Но в том-то и дело, что по «своей мощи и резонансу» религиозные заповеди всегда были и навсегда останутся несравненно шире, глубже, «органичнее» отвлеченно-этических императивов и тем более односторонне практических максим. Этицизм – сумерки религии, технический практицизм – сумерки этики.

Нельзя отрицать возможности возникновения в будущем каких-либо новых религиозных устремлений, новой «религиозной реставрации» (согласно позитивистскому термину проф.

Виппера), причем косвенно, «в порядке генезиса», она может быть связана с великим историческим кризисом нашей эпохи. Тем более, что кризис этот бесспорно вскрыл наличие серьезного внутреннего неблагополучия в «историческом христианстве». Проблема «религиозного ренессанса», таким образом, в известных пределах вполне закономерна. Но когда, исходя отсюда, техника, как таковая, претендует стать «новой религией», то получается кричащая фальшь, обычно скоро разоблачаемая и философски, и исторически. Соответствующие массовые движения неизбежно тускнеют и вырождаются, лишены подлинно творческого зерна. Великой культуры без помощи ценностей чистого духа им не создать. Аэропланами неба не завоеешь и физической сытостью духовного голода не удовлетворишь. Своеобразно повторится история Вавилонской башни...

Вот почему, ничуть не отрицая приближения «велико-океанской эпохи», не будем искажать ее подлинного смысла и тщетно искать его значения в том плане, коему она, по формальным своим признакам (интернационализм), индифферентна.

3

Однако остережемся в публицистической статье слишком растечься мыслью по древу философских рассуждений. В данный момент перед нами более конкретные и очередные проблемы. Гадая же о наступающем «новом периоде всемирной истории», мы вообще всегда рискуем слишком далеко уйти от величин более или менее определенных и затеряться в дебрях не только мысли, но и фантазии.

Отсюда, конечно, вовсе не следует, что размышлять на эти темы бесполезно. Нужно только всегда помнить ограниченность средств нашего познания в такого рода исследованиях и уметь критически относиться к собственным теориям. В частности, необходимо внести больше ясности в модные ныне интернационалистические конструкции, продумать самую сущность грядущего интернационализма. – «Отменяет» ли он национальные определения? Упраздняет ли он самое понятие нации?

Всматриваясь в общий стиль совершающегося процесса, вряд ли можно ответить на эти вопросы утвердительно. Превращение мира в одно хозяйственное целое еще далеко не убивает ни национальных культур, ни национальных особенностей. Интернационал, по самому смыслу этого термина, есть не уничтожение наций, а только установление постоянной и положительной связи между ними. В пределах исторического предвидения (и то достаточно еще отдаленного и туманного) рисуются «соединенные штаты мира», а не «единый человеческий народ», лишенный расовых и национальных перегородок. Этнографические и культурные типы сохраняют свое индивидуальное бытие. Монголы не утратят не только своих «раскосых и жадных очей», но и специфических черт своего расового характера. То же и арийцы в целом, то же, в частности, отдельные нации. Останутся еще надолго – куда живут соответствующие народы – «и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». В расе, а частью и в цивилизации, есть нечто изначальное, духовно-органическое. Сглядятся разве лишь межгосударственные конфликты нынешнего стиля, в лучшем случае разрешится нерешенная еще мировой историей проблема бурных противоречий между «самоопределениями» различных национально-государственных организмов, сталкивающихся в процессе своего роста и самоутверждения³¹. Но, во всяком случае, интернационализм не есть принципиальная нивелировка, а поскольку он хочет ею быть, он упирается в неотразимое сопротивление жизни. Подобно тому, как истинная гармония «не есть мирный унисон, а плодотворная, чреватая творчеством, по временам и

³¹ Эту сложную проблему я в свое время старался правильно осветить в статьях «Национальная проблема у первых славянофилов», «Русская Мысль», 1916, кн. 10, и «К вопросу о сущности национализма», моск. журнал «Проблемы Великой России», 1916.

жестокая борьба» (К.Леонтьев), – так и жизнь человечества не может быть сведена к узкому единству отвлеченного космополитизма, ибо представляет собою своего рода радугу расовых особенностей и национальных культур. Пусть эта радуга в процессе всемирной истории перманентно тяготеет к «белому лучу» всечеловеческой идеи, но никогда нельзя забывать, что белый луч есть, в свою очередь, результат сочетания красок, творческий синтез цветов. Воистину, – «на противоположном напряжении основана гармония мира, подобно гармонии лука и лиры» (знаменитый фрагмент Гераклита Темного)...

«Общечеловеческий, планетарный патриотизм» не исключает расовых корней и национальных ликов. Недаром же сами деятели интернационализма глубоко национальны в лице лучших своих представителей: Ленин – столь же подлинно русский, сколь Бебель и Каутский – немцы, Жорес – француз, а, скажем, Макдональд или Гендерсон – англичане.

Таким образом, признание неизбежности и желательности существенных изменений в сфере взаимоотношений между государствами и нациями отнюдь не может парализовать работы по уяснению «ликов» отдельных национальных культур и тем более стремления к собственному национальному самосознанию. В доме Отца обитателей много, и каждый народ призван заботиться прежде всего о своей обители. Украшая ее, он совершенствует весь «дом Отца».

Не должно отрекаться от общечеловеческих начал и ценностей, отдаваясь служению своей стране. Но, вместе с тем, общечеловеческие начала не исключают, а, напротив, предполагают национальное служение. Вопреки кошмарной фантазии нашего Печерина, «денница всемирного пробуждения никогда не воссияет, если ее пришествия будут добиваться путем «сокрушения отчизны»³². На этом пути живут лишь беды, поражения и разочарования.

Между интернационализмом и нацией логически нет непримиримого противоречия, и Лежнев совсем напрасно приписывает нам игнорирование этой святой истины (см. его письмо ко мне).

Плох интернационалист, убивающий «энтелехию» собственной нации, но плох и националист, замыкающийся в китайскую стену самодовольной ограниченности и отнимающий у национальной идеи общечеловеческое значение. Интернационал есть категория техническая по преимуществу. Нация есть по преимуществу категория духа, «культуры». Интернационал – алгебраическая формула, нация – ее реальное содержание, постигаемое раскрытием конкретного смысла алгебраических знаков.

4

«Познай самого себя!» – Этот старый сократовский императив должен быть обращен не только к отдельным людям, но и к нациям. Национальное самосознание – высший расцвет национального бытия. При этом необходимо уяснить себе, что самосознание означает одновременно как проникновение в собственную «субстанцию», постижение своей «идеи», так вместе с тем и отчетливое представление о степени собственной развитости, о границах своих конкретных возможностей в данных условиях. О внутренней зрелости своей к осуществлению «миссии»...

Конечно, большому кораблю большое и плавание. Но и у больших кораблей должны быть умные капитаны. А в мелких местах – и опытные лоцманы.

Пусть мы вступаем в «новый исторический период». Пусть русская революция – «величайшая, какую знала когда-либо человеческая история». Но, признавая обе эти становящиеся банальными истины, ни в коем случае нельзя настолько путать времена и сроки, чтобы не

³² См. прим. 77.

отличить столетия от года и конечного результата от первых шагов. Извращение исторической перспективы грозит привести к полной утрате практического чутья.

Это предостережение непосредственно относится к тем русским революционным романтикам, которые доселе почти что готовы утверждать, будто мир и впрямь одним, хотя и длинным, прыжком перепрыгивает из царства необходимости в царство свободы, из провинции «отечества» на простор «человечества». В конкретной сегодняшней деятельности они не прочь равняться прямо на «конечную цель», смешивая, подобно бесперспективной футуристической картине, отдаленный ландшафт с фигурами передового плана. В результате – восторженная путаница, беды и срывы...

Покровский нас упрекает в нечуткости к «диалектическому процессу» истории. Но он сам, очевидно, не хочет понять, что и современный интернационализм развивается диалектически. Чтобы достичь высот интернационала, необходимо прежде пробудить и развить в нациях подлинное культурное самосознание. Иначе вместо интернационала «мировых штатов» – явления высшей дифференциации и интеграции – получится просто первобытный хаос, таящий в себе неизбежный распад.

Вряд ли возможно сомнение, что по крайней мере Россия нуждается ныне прежде всего в углубленном национальном оформлении. «Диалектический процесс» интернациональной идеи в ней достиг до уровня «антитезиса», и всякая попытка сразу перескочить на неясный еще в конкретных очертаниях синтез – заведомо обречена на крах и объективно-исторически не может быть признана «прогрессивной». Если коммунизм в России лишь неотвратимо обостряет собственническую реакцию, то и чрезмерные увлечения интернационалистического максимализма только повлекут за собой болезненную гипертрофию неминуемого грядущего интернационализма. И никакими крепкими словами («националистическое барахло» и проч.) тут делу не только не поможешь, но и определенно повредишь, ибо таковые слова лишь без нужды накаляют крайности неизбежного процесса.

Разумеется, совершенно неправильно при этом приписывать нам утверждение, что «революция есть реакция, только осуществленная иными методами». Нужно точно условиться о понятиях и терминах. Реакцией в России было бы восстановление дворянско-самодержавного или лжеконституционного строя. Но мы никогда не были сторонниками этого строя, в корне изжившему себя к 20 веку. Тем меньше оснований исповедовать нам реакционную веру сейчас. Революция есть революция, а вовсе не реакция. Равным образом, необходимо твердо запомнить, что «белая мечта» никогда не была реакционной: в реакцию вырождалась лишь белая действительность. Следует вообще воздерживаться от игры слов и путаницы понятий в серьезном политическом споре.

Государство, создаваемое революцией, не есть государство, революцией разрушенное. Но столь же бесспорно, что государство, создаваемое революцией, не есть государство, революцией проектировавшееся. Цели революции (да, да!) – «уходят в глубь предстоящих столетий»... Крестьянская Россия не есть Россия дворянская, помещичья. Но из этого все же отнюдь не вытекает, что крестьянская Россия есть в какой бы то ни было мере социалистическое и пролетарское государство. И все «боевые» ныне и столь тревожные толки о «смычках» и «уклонах» лишь подтверждают эту простую истину.

Если рискнуть парадоксом, то нельзя не подчеркнуть, что нынешняя «коммунистическая» Россия объективно является наименее социалистическим государством в современной «буржуазной» Европе. Веяния «государственного социализма» в какой-либо Англии или, скажем, в Чехии с их рабочим законодательством, финансовой политикой, усиливающимся влиянием государства на экономическую жизнь и т. д. – бесконечно ощутительнее, нежели в разоренной, окустаренной, о «первоначальном накоплении» мечтающей России. Это обстоятельство отнюдь не отнимает у русской революции ее всемирно-исторического значения, но вместе с тем, однако, фатально предопределяет собою колорит ближайшего века русской исто-

рии. И недаром сам проф. Покровский в цитированной статье принужден заявить, что базисом советской власти он считает не только «труд», но и «мелкую собственность» (с. 85). Знаменательное заявление, в 20 году прозвучавшее бы едва ли не как самая ужасная мелкобуржуазная ересь!..

«Диалектичность» исторического развития интернационализма сказывается хотя бы еще и в том несомненном явлении, что великая война нанесла тяжелый удар делу упрочения международных связей, отбросила человечество в этом отношении назад. Военные потрясения прервали процесс интернационализации хозяйства, сделали ее линию зигзагообразной, выдвинув на историческую авансцену ряд иных факторов, мощно стимулирующих кристаллизацию национальных хозяйств. По необходимости и в плане политическом все эти зигзаги должны были получить и получают соответствующее отображение. Человечество по-прежнему раздроблено, и, пока еще не найден надежный рецепт всеобщего мирного преодоления междугосударственных противоречий, рано говорить об изжитости «империализма» и «отмирании» национально-государственных принципов, утвержденных традицией длинного ряда веков. Недаром даже и отрицание этих принципов на деле принуждено воплощаться в парадоксальные формы «красного империализма», научившегося уже – не хуже Пуанкаре! – щеголять пышной словесностью «пафоса обороны»... При современных условиях «воля к мощи», воля к расширению (хотя бы «понимаемому духовно») – по-прежнему является признанием государственного здоровья, национального полнокровия. Разумеется, эта «воля» должна контролироваться «разумом», воплощаться в осмысленные формы и умеряться трезвым сознанием собственных возможностей...

И, быть может, именно здесь, «на берегах Великого океана», разительнее, чем где-либо, ощущается величие нынешнего «империализма», самодовлеющей культурной мощи великой нации, великого государства: – воистину, ведь словно вся Азия пронизана английским языком, и в захолустнейших углах, в мире Желтого Дракона, то и дело обдаёт удивленного туриста дыхание англо-саксонской вселенской экспансии. «Мир становится английским» – с невольной горечью вспоминается тогда горделивая формула Крэмба...

Как мыслящие люди, мы должны, конечно, размышлять о перспективах будущих столетий, иметь их в виду как «регулятивный принцип»³³, – но как практические деятели, люди известной эпохи и граждане своей страны, мы обязаны заботиться и об очередных задачах дня. Тем более, что фальшь наивных теорий прогресса, самоуверенно предопределяющих и его цель, и весь его путь, – в настоящее время достаточно разоблачена. Расплываясь в безбрежных заданиях, мы не приближаем к себе «далекую цель», а безнадежно отдаляем ее от себя. «Идя без оглядки вперед, можно затесаться, как Наполеон, в Москву и погибнуть, отступая от нее, не доходя даже до Березины» (Герцен – «К старому товарищу»). Вот почему нам не должны быть страшны упреки в «старомодности», обильно расточаемые мечтателями, не только оценивающими современность под знаком столетий, но и хотящими втиснуть отвлеченную задачу столетий в рамки текущих лет, и потому грезы лозунгов принимающими за осуществленную действительность.

Не станем отрицать, что сейчас люди нашей формации переживают известную трагедию. Согласимся также, что это не трагедия изгнания только, но и трагедия сознания. Но, по-видимому, это – трагедия здорового сознания в условиях выздоравливающей, но все еще больной действительности. Не будем же в угоду бредовым, хотя и вещим, снам уродовать наше нормальное сознание. Не будем «смешивать грани», тем более, что теперь, когда революционные громы уже отзвучали и шумят разве лишь революционные фанфары – жизнь сама производит неумолимый отбор исторических «граней» и вводит в русла политические потоки...

³³ Кстати: несмотря на этот кантианский термин, я, вопреки утверждению И.Г. Лежнева, отнюдь не могу себя причислить к неокантианцам. Мой «философский идеализм» имеет другие, более «русские» корни.

Перед Россией – великая задача духовного самосознания. Не только в сфере техники, «цивилизации», внешнего государственного устройства должна она «обрести себя», но и в царстве духа, в мире «культуры». Как бы не относиться к импрессионистской системе Шпенглера, – много из того, что он говорит о «душах культур», заслуживает самого пристального внимания.

Тем знаменательнее его оценка России как самостоятельного культурного мира, таящего в глубине души своей источник новых откровений духа, новых духовных ценностей. «Русский дух, – уверен Шпенглер, – знаменует собою обетование грядущей культуры, между тем как вечерние тени на Западе становятся все длиннее». Шпенглер предвидит даже, что русский народ даст миру новую религию, «третью из числа богатых возможностей, заложенных в христианстве»...

Эти настроения модного западного философа-публициста, как известно, во многом совпадают с интуициями ряда наших национальных мыслителей и даже нашего великого национального писателя – Достоевского. Россия должна духовно воскреснуть – вернее, духовно родиться. «Я верил и верю, – предвосхищает К.Леонтьев идею Шпенглера, – что Россия, имеющая стать во главе какой-то ново-восточной государственности, должна дать миру и новую культуру (курсив Леонтьева), заменить этой новой славяно-восточной цивилизацией отходящую цивилизацию Романо-Германской Европы («Восток, Россия и Славянство»). Если не считать чисто терминологического разноречия (различие в определении слова «цивилизация»), Леонтьев здесь в точности формулирует современные «русские» интуиции Шпенглера.

По-видимому, именно теперь наступает время подлинного и глубокого духовного «самоопределения» России и русского народа. И, мучительно всматриваясь вокруг, невольно спрашиваешь себя – нет ли какой-либо связи между этим чаемым «самоопределением» и знакомой уже нам проблемой «новой религии, под знаком которой встает новый век, с новым государством, с новой культурой»...

Теперь – или никогда?..

Нам, людям кризиса, живущим «в густом чаду пожара», в «испепеляющие годы – безумья ль в них, надежды ль весть?» – нам не дано проникнуть до конца в таинство национального самоопределения. Но мы ощущаем его высшую необходимость и даже, быть может, на нашем поколении лежит долг заложить его фундамент. Не даром же, в самом деле, призваны мы на пир богов...

Первый акт исторического самоопределения нынешней России – всенародный бунт, великое отрицание. Размах этого отрицания прозорливо предвидели наши лучшие люди – Пушкин, Достоевский. Никогда русский бунт, всецело восторжествовавший, не мог остановиться на «умеренной оппозиции», на заранее заповедной черте, – он должен был оказаться именно таким, каким мы его видели, безграничным по содержанию и универсальным по форме. Он не мог удовлетвориться сменой формы власти, – он объявил войну историческим ценностям человечества: государству, праву, социальной иерархии... Но он не мог остановиться и на этих ступенях протеста, – за штурмом истории («клячу-историю загоним!») он бросился на штурм самого неба: самый последний и самый страшный бунт, гениально запечатленный прозрениями Достоевского.

Но иначе и быть не могло. Если воистину суждено России «познать себя» и, ощутив положительный смысл своего всемирно-исторического бытия, выразить его в некоем «слове», – то разве не должно это слово быть прежде всего горящим и сжигающим, «жгушим сердца людей»? Сила отрицания и ненависти – нередко ручательство мощи духовного организма. Только бы в конечном итоге победила положительная идея. Муки бунта – неизбежная Немезида, школа испытаний – искупительная жертва.

Эти огненные муки —

Только верные поруки
Силы бытия!

*(Вл. Соловьев)*³⁴

Впрочем, воздержимся от лирики в сфере этой основоположной и ответственной проблемы нашего национального бытия и национального сознания. Ограничимся пока лишь указанием на самую проблему, на ее закономерность, на ее насущность. И не даром в настоящее время она все чаще и острее выдвигается на первый план. Не должно затемнять или замалчивать ее поверхностными обличениями ее мнимой «старомодности».

³⁴ Неточная цитата из стихотворения «Мы сошлись с тобой не даром...».

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОКТЯБРЯ³⁵

«Возвращается ветер на круги своя». Россия, по авторитетным свидетельствам, переживает «последний год восстановительного периода», «рекордный год в деле восстановления нашего хозяйства» (Каменев). На глазах догорает лихолетье. На глазах «саперы разрушения» преобразуются в «армию строителей».

Над строительством – девиз:

Мы наш, мы новый мир построим!

Отличный девиз. Он вливает бодрость в души, будит веру; а зачем и существуют на свете девизы, как не затем, чтобы вливать бодрость в души, будить веру? Верования проходят, вера остается.

«Что сделало революцию? – Честолюбие. Что положило ей конец? – Тоже честолюбие. Но каким прекрасным предлогом была для нас свобода!..»

Так на закате дней, в одиночестве «маленького острова», вспоминал о своей страшной матери, о великой революции, ее не менее великий и страшный сын.

Пусть в этих словах гениального честолюбца много психологической правды. Но психологическая правда исторически нередко называется субъективной иллюзией. То, что в сознании самих деятелей тех дней было только предлогом, история сделала основным содержанием эпохи. «Свобода», рожденная честолюбием, очень скоро забыла свое родство. И, окрепнув, пошла уверенно гулять по Европе. Предлог стал прологом. Прологом целой огромной полосы жизни народов.

В истории, вообще говоря, часто властвуют «поводы» и «предлоги». Маленькие побуждения больших лозунгов исчезают, – сами лозунги, «прекрасные предлоги», преломляясь в миллионах голов, формулируя миллионы интересов, начинают свою собственную, живописную, чудесную жизнь. Историей, все-таки, по-видимому, правит не любовь к человеку, а, по термину Ницше, «любовь к вещам и призракам».

Призраки будут жить на земле, куда жив человек. «Нет великой ценности, которая не покоилась бы на легенде. Единственный виновник того – человечество, желающее быть обманутым» (Ренан). Что же, да здравствуют творческие призраки и легенды!..

Впрочем, ближе к теме. Эти восемь лет, полные пожаров и легенд («Мы пустим пожары!.. Мы пустим легенды!..» – Петруша Верховенский), не перестают все же быть историей. Куда же идет процесс? Куда смотрит его объективная логика?

Думается, правильнее всего основная тенденция современности может быть охарактеризована как национализация Октября. Революция входит в плоть и кровь народа и государства. Нация советизируется. И обратно: советы национализируются. «Ближе к массам!» – провозглашает Цека. «Глубже в быт!» – давно призывает Троцкий. Эти лозунги одинаково знаменательны и по одинаковому действенны.

Уходя в быт, погружаясь в массы, Октябрь, как Антей, наливается новыми соками. Оживление советов, рождение «мелкой советской единицы», усиление активности крестьянства, демократизация профсоюзов, неуклонная централизация государственного аппарата в его решающих элементах, успехи национализированной промышленности, заботы о законности, – все это политические факторы первостепенного порядка. Правда, они действуют медленно, идут «голубиной поступью», но тем вернее их результат. Согласно словечку Ленина,

³⁵ «Новости Жизни», 7 ноября 1925 года.

страна «переваривает переворот». «Переворот», входя в обиход, перестает быть переворотом: что нужно было перевернуть, уже перевернуто. И устанавливается новое равновесие.

«Завоевание быта» есть опять-таки процесс двусторонний, говоря учено, «диалектический». Когда чернильницы выделяются по модели ленинского мавзолея, а скворец и уютная канарейка насвистывают «Интернационал», – невольно начинает мерещиться, что причесанная буря перестает быть бурей. Разучиваешься даже как следует различать: когда революция наступает на быт, а когда быт на революцию. Мне самому пришлось этим летом не раз слышать в России, как царский «мерзавчик» величают «пионером», а сороковку – «комсомольцем». Это уже – откровенное, ехидно-торжествующее засилие «быта». Но и оно, что ни говорите – одна из сторон всесторонней «национализации Октября»...

Да, ничего не поделаешь. «Национальность для каждой нации есть рок ее, судьба ее; может быть, даже и черная. Судьба в ее силе... От судьбы не уйдешь: и из «оков народа» тоже не уйдешь» (Розанов, «Опавшие листья»).

Октябрь был великим выступлением русского народа, актом его самосознания и самоопределения. Русский народ «нашел себя». Но, конечно же, от себя не ушел. И в мировых, всечеловеческих своих устремлениях, и в онтологии революции, и в ее логике, и в ее быте – он остался собою, вернее, он становится собою, как никогда еще раньше. Прав Троцкий, утверждая, что «большевизм национальнее монархической и иной эмиграции, Буденый национальнее Врангеля» («Литература и революция»). Восьмилетняя динамика Октября – яркий документ этой непреложной истины.

Сейчас я ничего не оцениваю, ничего не проповедую – я только констатирую. Хороший рецепт преподал в свое время Барер: «не будем никогда подвергать суду революции, но будем пользоваться их плодами». Слева мне часто говорят, что констатирования мои, как «правда классового врага», полезны революции. Тем лучше. Не чувствуя себя ничьим классовым врагом, от души готов послужить революции, чем могу. Каждому свое.

Национализация Октября реально ощутима не только в свете внутренних процессов, наблюдаемых в Советской России. Еще острее обличается она анализом международного положения СССР.

Программа октябрьской революции была и остается всемирно-историчной и строго интернациональной. В этом ее «соль» и значение. В этом ее большой исторический смысл, воспетый поэтом:

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Атилл³⁶.

Однако, кроме программы, революция обладает и «наличным бытием». Одно дело – ее «размах», ее «конечные цели»; другое дело – ее конкретное содержание, диктуемое упрямыми фактами, окружающей средой. Игнорируя дальние цели революции, мы не поймем ее роли в широком масштабе времен; закрывая глаза на ее пределы, на ее наличный облик, мы вообще утратим всякое представление о ней.

С этой точки зрения приходится признать, что истекшие восемь лет достаточно твердо ограничили поле непосредственного распространения и влияния Октября. Он охватил собою лишь Россию, да и то пока в несколько суженных границах. Дальше России революция не пошла. Конечно, она отразится и уже отражается в мире; но отражается косвенно и преломленно, а не прямо и не по задуманному. Отражается примерно так же, как в свое время Великая

³⁶ Из стихотворения В.Я. Брюсова «Ленин».

Французская Революция отозвалась на государствах старой Европы. «Непосредственное воздействие» не удалось. Началось эволюционное просачивание основных революционных идей на пространстве десятилетий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.